

Кумов Роман Петрович

Бессмертники

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Р69

Р69 **Роман Петрович К.**
Бессмертники / Кумов Роман Петрович – М.: Книга по Требованию, 2022. –
336 с.

ISBN 978-5-519-91788-9

Содержание. Вместо предисловия; Степной батюшка; Сказание о старце Зосиме и Марии из Египта; В степи; Учительница; Бессмертники; Два Рождества; В гостях у бабушки; Алексей Петрович; Троица; Песни любви; Стояние; Игумен Иоасаф; Отец Георгий; Цветы жизни; Бессмертие; Встреча; На родине; Мужики; В глуши; На вылете; Нилена из Рима; На кладбище

ISBN 978-5-519-91788-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Вмѣсто предисловія.

...Помню—нѣсколько лѣтъ тому назадъ жили мы нѣкоторое время за границей, въ маленькомъ нѣмецкомъ городкѣ. Одинокіе, чужіе, почти безъ знанія языка—мы тосковали среди островерхихъ, похожихъ на башни, домиковъ, среди чистенькихъ сытыхъ нѣмцевъ, тосковали по роднымъ просторнымъ степямъ, по грустнымъ русскимъ пѣснямъ... И когда, наконецъ, мы получили возможность уѣхать оттуда, какой восторгъ объялъ насъ! Въ мигъ былъ уложенъ багажъ и скоро мы уже сидѣли на вокзалѣ ж. д., ожидая поѣзда. Надъ огромной зеленой долиной, гдѣ стоялъ городокъ, падалъ вечеръ—удивительно прозрачный и мягкій, словно хрустальное толстое стекло. И станція, и паркъ съ блѣднозелеными липами словно удалялись отъ насъ—за это хрустальное нѣжное стекло вечера, и тамъ мерцали своими очертаніями—нѣжные, тихіе, вечерніе. На прощанье чужая природа дарила насъ своимъ рѣдкимъ чудеснымъ аккордомъ, и мы, въ саду, на низенькой скамейкѣ, около станціоннаго домика, при-

тихими... И случилось, что въ этотъ самый мигъ, изъ окна домика, съ верхняго этажа, гдѣ жилъ начальникъ станицы, послышались звуки скрипки... Кто то тамъ переживалъ тяжелый страстный моментъ своей жизни, и струны тосковали, остро звеня, извиваясь, метаясь въ стороны... Вдругъ все смолкло, и вотъ отъ самага низа поползла вверхъ какая то удивительно тонкая душевная нотка, поползла медленно, но властно, все выше, выше, такъ что мы закинули вверхъ головы: неужели дойдетъ до неба?.. Но она не дошла, поднялась высоко—высоко, и вдругъ разсыпалась, и снова поползла, и снова разсыпалась. И пока мы сидѣли, она все время поднималась и падала, поднималась и падала... Но было въ этомъ стремленіи вверхъ и паденіи столько муки, страданія, столько тоски по тому, что высоко—высоко, что мы не замѣтили, какъ эта коротенькая несложная нотка тоски пробралась въ насъ и тамъ зазвенѣла... Пока было открыто окно въ верхнемъ этажѣ станціоннаго домика, мы сидѣли и слушали. Пришелъ поѣздъ и ушелъ, вечеръ потемнѣлъ въ ночь, а мы сидѣли, отдавшись прекрасной свѣтлой тоскѣ по тому, что высоко—высоко... И подъ эту пѣсню мы простили чужой сторонѣ ея непривѣтливость, то, что не понимали ея чужого языка, простили за ту прекрасную свѣтлую тоску, которую открыла она намъ случайно, въ паркѣ станціоннаго домика... Когда мы уѣхали на родину и уже много времени

прошло съ того момента, заграница потускнѣла въ нашей памяти, но эта пѣсня, напоенная тоской, помнится, и, кажется, ради нея мы опять потянули бы на чужбину, въ непривѣтливый степенькій холодный городокъ...

Если эта книга попадетъ къ людямъ, для которыхъ будутъ непонятны и чужды обстановка, лица, языкъ разсказовъ, мнѣ хотѣлось бы, чтобы они подсмотрѣли въ ней эту свѣтлую прекрасную тоску по тому, что высоко — высоко... Ибо нѣтъ на свѣтѣ ничего чудеснѣе, святѣе, трогательнѣе этой тоски по тому, что высоко — высоко, и зажечь другую душу огонькомъ этой тоски — это значитъ послужить, хотя немного, большому человѣческому дѣлу... Этой тоскѣ нѣтъ имени, нѣтъ определеннаго образа, она — многоимянна и многообразна... Хотѣлось бы, чтобы эта книжка была маленькимъ образомъ огромной прекрасной свѣтлой человѣческой тоски...

Тѣ, которымъ понятны языкъ и образы разсказовъ. — авторъ надѣется — будутъ болѣе снисходительны къ маленькой книжкѣ...

Авторъ.

Степной батюшка.

Изъ дорожнаго альбома.

I.

люблю, въ свои дальнія поѣздки, заѣхать куда-нибудь въ глушь, остановиться и пожить денекъ, другой. Послѣ вагона, тарантаса, парохода—вдругъ очутишься гдѣ-нибудь среди огромнаго стараго бора, у омутистой рѣчки, гдѣ нескончаемо шумитъ лѣсъ свою непонятную лѣсную думу, да въ лѣсныхъ тѣняхъ тучнѣютъ толстыя зеленныя травы и круглыя большіе цвѣты... Или, наоборотъ, — попадешь въ безлѣсье, въ степь, и цѣлый день смотришь, какъ млѣетъ подъ южнымъ солнцемъ красавица степь и жемчужныя облака плаваютъ по небу — прозрачныя и задумчивыя...

Какъ-то разъ, въ одну изъ поѣздокъ, пришлось мнѣ остановиться въ маленькомъ степномъ хуторкѣ у священника. Наступила ночь, и, кажется, собиралась гроза. Я сначала думалъ отдохнуть немного и ѣхать дальше—въ ночь, но священникъ отговорилъ:

— Куда вы? Дождь, — что не видно, — пойдетъ. И, навѣрно, съ грозой...

Намокнуть подъ дождемъ — вещь не особенно приятная. Я рѣшилъ заночевать.

Домъ батюшки былъ маленькій, старозавѣтный. Комнатки низенькія, съ небольшими окошечками, точно улейки... Внутри было чистенько, мебель разставлена аккуратно. И вездѣ, на окнахъ, на столахъ, на скамейкахъ — цвѣты, цвѣты, цвѣты...

— Любите, видно, цвѣты? — спросилъ я матушку.

— Нѣтъ, возни съ ними много... Вотъ отецъ Василій любитъ!..

— Грѣшникъ, люблю цвѣты... — смѣется батюшка. — У насъ зима длинная... Если ждать весны, помрешь съ тоски... А они зимою, въ морозы, вдругъ какъ зацвѣтутъ — китайскія розы, гвоздики, герани, и цвѣтутъ, цвѣтутъ до самой Пасхи... А тамъ весна, ужъ степные цвѣты начинаются... Такъ круглый годъ у меня цвѣты!..

Смотрю я на этого любителя цвѣтовъ: коренастый, плотный, съ большой, начинающей сѣдѣть бородой, онъ какъ то удивительно пахнетъ деревней, глушью, травою... Я люблю такіе типы: откуда то издалека пришелъ онъ и поселился въ хуторкѣ, въ низенькомъ старозавѣтномъ домикѣ... Кругомъ него степь, бѣлесоватые курганы, церковка, вся въ степныхъ запахахъ, заросшая мохомъ и травами, кругомъ него земля — чистая, благовонная, кроткая, богатая глубокимъ тучнымъ черноземомъ, съ своими вѣковыми пѣснями, преданіями, вѣрованіями... Онъ пришелъ, раскрылъ свое евангелище и началъ учить. Онъ учить, а земля тихо живетъ своею жизнью, покрытая нивами, лугами, курганами... Какъ клубы утренняго тумана, поднимаются надъ нею старыя преданія, пѣсни, вѣрованія и окутываютъ тѣхъ, которые живутъ въ поляхъ, лугахъ, на курганахъ... Онъ учить, а солнышко поднимается изъ-за озера,

пробѣгаетъ свой дневной путь и падаетъ куда то въ бездну... Травы цвѣтутъ, колосятся хлѣба, курганы встаютъ—думные и тихіе, чирикаютъ птицы...

И среди земли, среди ея вѣрованій, преданій, пѣсней поднимается деревянная церковь, одѣтая мхами и травами. Поднимается, какъ тотъ же степной курганчикъ, и позваниваетъ, и звоны отдаются въ степи, лугахъ, на курганахъ... Когда путникъ ѣдетъ по безконечной степной дорогѣ и вдругъ, на поворотѣ, блеснетъ предъ нимъ церковка и откроются убогія хатки, онъ увезетъ въ своей душѣ смѣсь степи, дороги, церковки, села... Но удивительно, какъ гармонично слилось все это вмѣстѣ—простая церковка и земля—тучная, глубокая, съ своими повѣрьями и пѣснями... Онъ учитъ, а тихое ученіе сливается съ тихимъ днемъ, тихими полями, тихимъ селомъ... Самъ не замѣчая того, онъ сливается съ землею—кроткою, благовонною, чистою... Тихое ученіе обрамляется травкою, цвѣтами, курганами; лучъ солнышка, ласковый и кроткій, горитъ на немъ, какъ алмазъ, и въ тиши степей, на лонѣ земли, совершается чудо: кроткое ученіе претворяется въ землю и земля претворяется въ кроткое ученіе... И стоитъ онъ въ непонятномъ удивленіи, видя, что его маленькое евангелище вдругъ разрослось, и уже степи, луга, курганы полны имъ... Священнымъ вдохновеніемъ объятый, онъ вдругъ дерзновенно начинаетъ листать эти новыя великія страницы — степи, луга, курганы, и видитъ, что они — святое кроткое ученіе... Онъ падаетъ пораженный, и въ первый разъ, тихо, безъ словъ, поетъ пѣсню великому Богу, онъ, глава природы, а степи, луга, курганы подпѣваютъ ему...

И стоитъ, въ зеленой великой степи, убогая церковочка, съ серебряными колокольцами, и позваниваетъ, и уже то не люди зовятъ, а сама земля,

черноземная, благовонная, чистая, одѣтая цвѣтами и травами, и батюшка палъ ницъ предъ престоломъ, какъ первосвященникъ людей и земли, и подъ звоны, подъ шелестъ степи, поетъ кроткую, великую пѣсню святому небу...

О. Василій, — старый деревенскій священникъ. Въ городѣ вы сразу узнаете его, по спокойнымъ, тихимъ, какъ лѣсное озеро, глазамъ, по ровнымъ, никогда не волнующимся линиямъ лица, по неторопливой, степной походкѣ. Если вы встрѣтите его гдѣ-нибудь въ большомъ шумномъ обществѣ, на васъ сразу повѣетъ деревней, степью, бѣдной деревянной церковкой... Онъ — дитя своей степной глуши, кроткій пѣвецъ заброшенной деревни и далекихъ полей... И говоритъ онъ медленно, ровно, точно вѣтерокъ по вершинамъ садовыхъ вербъ...

— Станови, старà, самоварчикъ! — говоритъ онъ матушкѣ.

Матушка ставитъ самоваръ, сама возится на кухнѣ, около углей, и приходитъ къ намъ съ угольными полосками на лицѣ.

— Подчернилась! — смѣется о. Василій. — Не утерпѣла!

— Гроза находитъ, — сообщаетъ матушка, — большая туча отъ церкви идетъ... Будетъ дождикъ!..

До чая мы сидимъ въ батюшкиной комнатѣ. Убранство незатѣйливое: надъ столомъ портретъ архіерея, посвятившаго о. Василя въ священники, по сторонамъ картинки, преміи къ „Нивѣ“... На столѣ лежатъ „епархіальныя вѣдомости“ и маленькая областная газетка...

— Выписываете?

— Да... хотя читать то рѣдко приходится, приходъ отнимаетъ все время. Одинъ я тутъ!

— Давно вы здѣсь служите?

— Тридцать лѣтъ... Здѣсь и состарился... Да!..
На подоконникѣ вижу скрипку.

— Вы играете?

— Немножко. Иногда стихъ такой находитъ.
Будто затоскуешь. Знаете, вѣдь у насъ кругомъ только
степь, степь, степь... Хороша она, воздухъ чистый,
просторно, красиво... Люблю я ее. Привыкъ. А все
же иногда потянетъ куда-нибудь въ столицу, въ го-
родъ, гдѣ бѣ шумокъ, огни... Тихо у насъ!.. Ужъ
очень тихо... Вотъ когда потянетъ, я играю... Ночь
нѣтъ у меня, такъ... импровизирую... Да...

— Вы не съиграете сейчасъ что-нибудь?

— Сейчасъ? Э, нѣтъ... Ужъ, увольте пожалуй-
ста... По заказу не могу. Не умѣю...

Онъ улыбается славной, кроткой, извиняющейся
улыбкой... Ахъ, какой же ты милый, степной ба-
тюшка!..

— Чай пить,—приглашаетъ матушка.

Пьемъ чай съ душистымъ степнымъ медомъ, про-
зрачнымъ и теплымъ.

— Пейте, пейте!—угощаетъ матушка.—Это рѣд-
костный медокъ: съ чеборку да липы набранный...
Духовитый!..

Туча заслоняетъ собою небо и въ маленькихъ
комнаткахъ сразу темнѣетъ. Гдѣ-то близко гремитъ
громъ, такъ что дрожитъ старая желѣзная крыша.
Батюшка приноситъ свѣчку.

— Большая гроза находитъ! — говоритъ онъ.—
Хотите на балконъ? Посмотрѣть грозу?

— Хочу...

Мы проходимъ черезъ корридорчикъ на балконъ.
Балконъ узкій, низкій, почти у самой земли. Кругомъ
садъ—старый, развѣсистый, темный... Онъ, навѣрно,
очень запущенъ и сильно пахнетъ сыростью и травой...

— Моя оливадка!—смѣется батюшка.—Тополи,

клены. Есть дубки... По ту сторону дома вишни, яблони, терны...

Мы садимся на скамейку. Вѣтеръ бушуетъ гдѣ-то за домомъ, на площади, и сюда еще не залетаетъ, сдерживаемый батюшкинымъ домикомъ... Но вершины старыхъ высокихъ кленовъ уже гудятъ, тревожно и громко...

— Эге, гроза будетъ большая. Шумятъ клены!.. Липа, Липа, притвори окошки, заложи вьюшки! — кричитъ о. Василій въ комнаты.

Молніи яркія, частыя... Словно раскрываются большія таинственныя вѣки и вглядываются въ міръ. Громъ гремитъ гулко, сильно, такъ что дрожатъ тонкія оконца въ домикахъ...

— Сухая гроза! — говоритъ батюшка...

Анъ не угадалъ!.. Только что сказалъ, а на крышу сразу упало нѣсколько капель дождя, тяжелыхъ, большихъ, какъ налившіяся вишни. За ними еще, еще... Вотъ ужъ барабанятъ во всю по ветхой желѣзной крышѣ... Деревья словно покрылись флеромъ, осыпанныя дождевою пылью. Отъ вѣтра расклевываются во всѣ стороны и шуршатъ листвою. А сверху дождь льетъ, точно ведрами, и шумитъ, какъ большой потокъ...

— Благодатный дождь! Слава Богу!..

Батюшка крестится. Дождь кóситъ отъ вѣтра и начинается мочить балконъ.

— Пойдемте. Намочить! — говорю я.

— Нѣтъ. Погодите... Вы смотрите, какой дождь! Это рѣдкость въ нашихъ краяхъ...

Онъ не сдерживается и сбѣгаетъ съ балкона въ садъ. Дождь мочитъ его, крупный, тяжелый, раскидистый, а онъ протянулъ руки, словно ловитъ дождевыя капли.

— Хорошо! — кричитъ онъ.